

В. П. СТЕПАНЕНКО

К ИКОНОГРАФИИ ФРЕСКИ ХРАМА “ТРЕХ ВСАДНИКОВ” ПОД ЭСКИ-КЕРМЕНОМ

Церковь “Трех всадников” под Эски-Керменом высечена в обломке скалы и, судя по размерам, возможно, была погребальным храмом [13, с. 108-110; 4, с. 57]. На ее алтарной стене сохранились остатки фрески с изображением трех святых воинов всадников (рис. 1). Ранее, когда фреска была в лучшем состоянии, нежели сейчас, были прочтены и переведены остатки надписи и, возможно, даты. Надпись под изображением всадников в переводе В.В.Латышева гласит: “Иссечены и написаны святые мученики Христовы для спасения души и отпущения грехов” [11, с. 47-48]. Н.И.Репников, со ссылкой на В.Григоровича, приводит дату $\zeta\psi\dots$, т.е. 12... годы [13, с. 108, прим. 1]. Экспедицией О.И.Домбровского в 60-е гг. XX в. с фрески были сделаны копии, достоверность которых велика, хотя детали изображений, в частности лиц, уже тогда плохо различимые, возможно, были несколько домыслены копиистами [13, с. 108]. В своей монографии исследователь издал копию и прорисовку фрески, датировав ее XII – началом XIII вв. Тем же временем, по мнению А.Г.Герцена, датируется весь комплекс, что близко к истине, учитывая гибель города в конце XIII в. [6, с. 39; 4, с. 56].

Обследовавший храм в 1928-1929 гг. Н.И.Репников отметил, что он не был расписан полностью и что под стеной с фресковой росписью располагалось связанное с ней погребение. По колориту (“стилю”) фрески он датировал ее “не позднее XIII века” [13, с. 109-110].

На фреске изображены три молодых (?) воина в традиционных туниках, чешуйчатых панцирях, кожаных юбках с птеригами, с копьями в правых руках и щитами за спинами [см. прорисовку: 6, с. 40-41]. Копье левого всадника поставлено вертикально. Он не определен. Среднего О.И.Домбровский определил как св. Георгия по его атрибуту – дракону под ногами коня, пронзаемому копьем святого [6, с. 35]. Правый всадник изображен с вертикально стоящим копьем в правой руке и юношей, сидящим за его спиной на крупе коня. Если исходить из существующей традиции, то это также св. Георгий, изображенный в чуде со спасенным юношей. Оно известно как минимум в трех близких вариантах.

Согласно наиболее распространенному “Чуду с юношей из Митилен”, “на одном из островов малоазийских (Лесбос – В.С.) был великолепный храм во имя св. великомученика Георгия... В один из праздников неожиданно напали на христиан дикие арабы–магометане и взяли в плен всех, там находившихся, в том числе и одного–единственного сына благочестивых родителей... Пленных отвели арабы на остров Крит и обратили в рабов. Юноша стал рабом у одного арабского вельможи. Родители горько плакали и неутешно горевали о потере любимого сына и изливали свою сердечную скорбь в ежедневных молитвах св. Георгию. Прошел год. Благочестивые родители этого юноши, несмотря на

Рис. 1.

великую скорбь и тяжкое горе, по обыкновению устроили трапезу для богомольцев, после пламенной молитвы св. Георгию о помощи. Вдруг во время обеда... среди обедающих предстал юноша с чашей вина в руках. Изумленные и пораженные чудом, все стали расспрашивать его, как и откуда он пришел. Юноша рассказал, что, в то время как он наливал в чашу вино, чтобы подать своим господам, явился ему некий "пресветлый юноша" на коне и, взяв его к себе, доставил сюда" [2, с. 25-26].

Наиболее ранние известные в настоящее время памятники с изображением этого чуда датируются первой половиной XIII в. и приписываются Восточному Средиземноморью, т.е. государствам крестоносцев Ближнего Востока, либо Кипру Лузиньянов [19, р. 176-177, № 191]. На Кипре иконы с чудом известны вплоть до XVI в., т.е. и при венецианском господстве, как и на Крите, где были популярны иконы с двойным чудом, изображающие Георгия, поражающего дракона, со спасенным юношей за спиной [25, р. 77, 146, № 53, 98; 21, по. 145, 187] (рис. 2). Это свидетельствует в пользу отождествления правого изображения именно с Георгием. На Крите св. Георгий почитался и изображался как раз с двойным чудом. На фреске храма "Трех всадников" эти чудеса могли быть изображены последовательно одно за другим.

Но возможно и иное толкование данного образа. В 1999 г. в раскопках на Добрыне улице в Новгороде на территории усадьбы в слое 1275 г. была обнаружена круглая свинцовая иконка со следами вторичного использования с изображением св. воина-всадника и юноши у него за спиной на одной стороне и процветшего креста на другой [15, с. 10-21]. Плохо сохранившаяся греческая надпись с известным допущением может быть прочитана как "Димитрий" (рис. 3). По мнению С.Трояновского и В.Пуцко, это мог быть св. Георгий или св. Димитрий Солунский, так как подобные чудеса известны в Житиях обоих святых. Отметив, что данное чудо св. Димитрия известно только по поздним редакциям его "Жития", В.Н.Залесская уверенно определила святого как Димитрия, приписав изготовление иконки Фессалонике времени господства крестоносцев и датировав ее концом XII – началом XIII в. [7, с. 78-82].

Если первое предположение вероятно, не являясь аксиомой, учитывая плохую сохранность надписи новгородского экземпляра и наличие монограммы на выполненном другими матрицами нью-йоркском, то датировка их в пределах первой половины XIII в. подтверждается археологически. Вопреки мнению В.Н.Залесской, определившей вооружение святого как западноевропейское и, как следствие, приписавшей новгородскую

Рис. 2.

св. Георгием, Димитрием и Феодорами Тироном и Стратилатом, о чем свидетельствуют памятники данного периода [23, pos. 6, 7, 8, 10, 11, 15, 16, 21, 24а, 25, 27, 28, 29, 99, 100, 107, 124, 125, 127, 130]. Казалось бы, если в центре фрески изображен св. Георгий, а справа – св. Димитрий, то левый всадник должен быть одним из св. Феодоров. В пользу изображения на фреске трех святых свидетельствует и надпись. Но оба Феодора изображались бородатыми мужчинами среднего возраста¹. К тому же образы св. Феодора как всадника редки и изображался он также как драконоборец². И если прорисовка фрески верна, то иконография левого святого не соответствует традиционно присущей Феодорам

находку Фессалонике эпохи Бонифация Монферратского, ничего сугубо западного ни в вооружении, ни в облике всадника нет. Несомненно лишь то, что достаточно примитивный по уровню исполнения памятник принадлежит к кругу провинциальных византийских и место его создания неопределенно. Фессалоника предложена лишь постольку, поскольку она была центром культа св. Димитрия, а иконки, по мнению В.Н.Залесской, являются евлогиями, привезенными из паломничества к святыне.

Не будучи строго доказана, данная точка зрения имеет право на существование. Признавая это, можно предположить, что на фреске храма “Трех всадников” изображение св. воина с юношей за спиной может принадлежать не Георгию, что более вероятно, но Димитрию, учитывая, что Георгий Драконоборец изображен в центре композиции.

Третий всадник менее выразителен и может быть любимым из многочисленных святых воинов. Но круг их, пользовавшихся популярностью в XI-XIII вв., был ограничен

¹ Стеатитовые иконки [20, p. 149-150; 23, no. 6, 7, 24а, 27, 28, 100, 107, 144], мозаики и фрески Хосиас Лукас (XI в.), церкви св. Бессеребрянников в Касторье (XIII в.) [24, p. 20-21, Pl. 11-13], церкви Пантелеймона в Нерези (1164) [12, илл. 40-41], церкви Богоматери в Хиландаре (1318) [5, с. 53].

² Группа стеклянных камей-литиков XIII в., известных по находкам в Константинополе, Болгарии, Руси [8, с. 154, илл.], бронзовая византийская (?) иконка из Агары (Абхазия) [16, с. 40, табл. 16в]. П.С.Уварова назвала святого Георгием, не обратив внимания на особенности иконографии образа.

Рис. 3.

– он молод и безбород. Маловероятно, но это мог быть один из святых воинов второго ряда, как, например, Прскопий или Нестор (св. Никита, Меркурий и Евстратий изображались бородатыми: [17, S. 85, 87, 89, Pl. 60, 62, 65]), возможно, соименный погребенному в храме.

Но, учитывая иконографию данного святого воина, можно предположить, что перед нами тройное изображение св. Георгия. Согласно "Житию и чудесам св. Георгия", отправившись в город Лисий, чтобы избавить его от дракона, пожиравшего жителей города, святой освободил отданную в жертву чудовищу принцессу, затем связал дракона "словом Божьим", провел в триумфе перед поднявшимися на стены жителями. Причем впереди шла принцесса, ведшая за собой дракона, а позади верхом на коне скакал святой. И лишь после этого Георгий пронзил дракона копьем [1, с. 207; 2, с. 29-30].

Наиболее ранним примером изображения данной сцены является фреска церкви св. Георгия в Старой Ладоге (1167), написанная византийским художником [10, с. 72, илл.; 14, с. 188], где святой представлен в развернутой, с массой деталей, сцене триумфа как всадник с копьем в руке и плащом, развевающимся за плечами, сидящий на торжественно ступающем коне. Впереди него принцесса ведет к стенам города, на которых столпились зрители, связанного дракона.

Фрагментом этой или подобной сцены и является фигура святого Георгия-триумфатора с копьем в руке на стеатитах в Барджелло (Флоренция) [23, р. 200, no. 125] и в музее Анжера. Известен этот иконографический св. воин на каппадокийских фресках XI в.: св. Георгий и св. Феодор в церкви св. Варвары (XI в.), св. Феодор в Джуланли килисе (XI в.) [22, Album 3, Pl. 189 III.2; 26, XXIII, Pl. 246-247], а также св. Димитрий на бронзовой иконке из Эрмитажа конца XII – первой половины XIII вв. [7, с. 81], св. Димитрий на стеатите из Оружейной палаты конца XIII – начала XIV вв. [23, р. 198-200, no. 124].

Как следствие, судя по тексту “Жития и чудес”, вполне логично возможное присутствие на фреске храма “Трех всадников” св. Георгия-триумфатора на белом коне непосредственно перед сценой убийства дракона. В настоящее время данная точка зрения представляется наиболее аргументированной. Упоминание в надписи мучеников во множественном числе не противоречит этому, так как изображен мученик в трех деяниях и, соответственно, в трех иконографических типах.

Датировать эски-керменскую фреску предпочтительнее серединой XIII в., когда впервые фиксируется иконографический тип святого – “спасителя плененных”, известный по памятникам не Византии, но византийского круга.

Последнее объяснимо тем, что между 1204-1261 гг. Византии как государства не существовало. Ее наследниками были или считали себя Никея, Эпир, Болгария, Латинская империя и Трапезунд. Следовательно, появление иконографии святого “спасителя плененных”, вероятно, связано с византийской культурной провинцией, будь то Эпир, которому с 1221 г. принадлежала Фессалоника (св. Димитрий) или Ближний Восток – Палестина, Кипр, Никея (?) (св. Георгий).

В Крыму на Эски-Кермене этот образ мог появиться, вероятнее всего, через Херсон, где известны стеатиты со св. воинами–всадниками XII в. [3, № 90 – Георгий]. Трудно сказать, откуда они взялись здесь. Это могли быть как Балканы, так и Малая Азия. Традиционно ограничивать экономические, политические и культурные контакты Херсона лишь Трапезундом нет оснований. Как показали раскопки С.Г.Рыжовым центральных кварталов городища (Северный район), контакты эти были много разнообразнее и богаче [3, №№ 156-251].

Эски-Кермен запустел вследствие похода Ногай на Крым в конце XIII в. Следовательно, фреска вряд ли могла быть выполнена позднее. И здесь предпочтительнее XIII в., учитывая расположение Херсона на окраине византийского мира. Эски-Кермен же чисто географически явно находился в орбите влияния Херсона, в свою очередь, после 1204 г. связанного более с Малой Азией (будь то Трапезунд, Рум или Никея³), чем с Балканами. И, наконец, данный памятник не является изолированным свидетельством популярности культа св. воинов, в том числе и Георгия, в Крыму. Известны остатки изображений конных св. Георгия и Димитрия на фресках расположенного неподалеку от Эски-Кермена храма Донаторов [6, с. 32], церкви существовали на Мангупе и Фуне [9, с. 159].

Поэтому, на наш взгляд, есть основания предположить, что фреска храма “Трех всадников” изображает св. Георгия в трех его ипостасях: как триумфатора, драконоборца и “освободителя плененных” и датируется около середины XIII в. Быть может, появление последнего сюжета было связано с татарскими набегами на Юго-Западный Крым, когда “освобождение плененных” стало предельно актуальным.

³ К сожалению, памятники Трапезунда и Никеи сохранились крайне плохо и не могут быть привлечены к решению данной проблемы. Так, в Трапезунде было пять церквей св. Георгия, ни одна из которых не сохранилась [18, р. 225].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чудеса св. Георгия // Византийские легенды. Изд. подг. С.В.Полякова. М., 1994.
2. Святой великомученик Георгий. Варна, 1908 (репр. монастырь Параклис Оропос. Атика, 1995).
3. Византийский Херсон. М., 1991.
4. Герцен А.Г., Махнева О.А. Пещерные города Крыма. Симферополь, 1989.
5. Джурич В. Византийские фрески в Югославии. Белград, 1975.
6. Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. Киев, 1966.
7. Залеская В.Н. Византийские иконы-эвлогии и образки эпохи Латинской империи // Пилигримы. СПб., 2001.
8. Залеская В.Н. Литики XIII в. в собрании Государственного Эрмитажа // Древнерусское искусство. Русь, Византия, Балканы XIII век. СПб., 1997.
9. Кирилко В.П., Мыц В.Л. Крепость Фуна в системе обороны княжества Феодоро // Византийская Таврика. Киев, 1991.
10. Лазарев В.Н. Древнерусские мозаики и фрески. М., 2000.
11. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.
12. Милькович-Пепек П. Нерези. Белград, 1966.
13. Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // Готский сборник. ИГАИМК. Т.ХII. 1-8. Л., 1928.
14. Сарабьянов В.Д. Фрески Георгиевской церкви в Старой Ладобе и стилистические течения в новгородской живописи последней трети XII века // ВВ. 2000. № 59.
15. Трояновский С.В. Раскоп на Добрыне улице // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 2000. Вып.14.
16. Уварова П.С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа. М., 1894. Вып.4.
17. Bogdanovic D., Djuric V., Medacovic D. Hilindar. Beograd, 1978.
18. Bryer A., Winfield D. The Byzantine monuments and Topography of the Pontos. Washington DC, 1985.
19. Buckton D. Byzantium. Treasures of Byzantine Art and Culture. London, 1994.
20. Byzantine Art in the collections of Soviet Museums. Leningrad, 1977.
21. ΕΙΚΟΝΕΣ ΤΗΣ ΚΡΗΤΙΚΗΣ ΤΕΧΝΗΣ (Απο τον Χανδακα ως την Μοσκα και της Αγια Πετροπολη). Ηρακλειον, 1993.
22. de Jerphanion G. Les eglises rupestres en Cappadoce, Paris, 1934.
23. Alavrezou-Maxeiner I. Byzantine Icons in Steatite. Wien, 1985.
24. Maguire H. The Icons of their Bodies. Saints and their images in Byzantium. Princeton University Press, 2000.
25. Papageorghiou A. Icons of Cyprus. Nicosia, 1992.
26. Restle M. Die byzantinische Wandmalerei in Kleinasien. Bd. II. Recklinghausen, 1967.

STEPANENKO V. P.

ON ICONOGRAPHY OF FRESCO IN THE CHURCH OF "THREE RIDERS"
NEAR ESKI-KERMEN

Summary

Having analyzed the iconography in the church of "Three riders" the author makes an assumption that Saint George is depicted on it in his three hypostases: as a triumpher, dragon fighter and liberator of captives. The fresco is dated back to the mid-13th century. The appearance of such a plot is probably connected with the Tatars' raids into the South-Western Crimea, when "liberation of captives" became vitally important.